

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

БУДУЩЕЕ ПОСТСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ВПЕРЕД В ПРОШЛОЕ?

Андрей Васильевич Шипилов*

Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия

Цитирование: Шипилов А.В. (2018) Будущее постсовременного общества: вперед в прошлое? *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(1): 7–26. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.1>

Аннотация. Современный мир в условиях растущей автоматизации и роботизации производства товаров и услуг, ведущей к исчезновению массовой занятости, превращается в «мир без работы». Спрос на рабочую силу сокращается, на гибком рынке труда пролетариат уступает место прекариату, а для обеспечения потребления реализуется концепция безусловного базового дохода, превращающего трудящихся граждан в досужих рантье. Формирующееся «рентное общество» по соотношению к трудовой и досуговой деятельности напоминает доаграрное общество охотников и собирателей, чьим главным занятием был не труд, а разнообразные формы общения. Разворачивающийся процесс объединения труда делает современную экономику аналогом архаической «домашней экономики» как в плане производства, так и в плане потребления: в обеих практики хранения, накопления и наследования минимизированы в силу высокой мобильности населения. Речь не только об экономике: общество, личность, мышление сегодня претерпевают реальные и концептуальные изменения, приводящие их в состояние, аналогичное существовавшему до неолитической революции. Все это заставляет задуматься о нынешнем направлении социального развития: если постмодерн выглядит подобием премодерна, то не станет ли период «конца истории» подобием того, что было до ее начала?

Ключевые слова: будущее, прошлое, труд, досуг, постмодерн, премодерн, мобильность, общество, личность, мышление.

От цивилизации труда к цивилизации досуга. Одними из самых привлекающих внимание и активно обсуждаемых в научной и популярной литературе, СМИ и блогосфере в последнее время являются проблемы и перспективы социального развития в условиях прогрессирующей автоматизации и роботизации производства товаров и услуг, снижающей

* E-mail: skriptor@icmail.ru

потребность экономики в рабочей силе и грозящей превратить наш мир в «world without work»*. Уже в 1970–1980-е годы теоретики постиндустриализма констатировали прогрессирующее снижение доли рабочего класса в структуре занятости, когда «синие воротнички» уступили первенство «серым» и «белым» и все большая часть работников оказалась задействованной в сфере услуг и управления (Белл 2004: 173–179; Тоффлер 2004: 301). За последние полвека численность пролетариата в развитых странах уменьшилась вдвое, и этот процесс продолжается, так что доля занятых в промышленности составляет от 10 до 25 %; индустриальные корпорации, увеличивая выпуск продукции, сокращают количество рабочих — с ростом производства теперь коррелирует не увеличение, а снижение занятости (Жвितिашвили 2013: 34; Колганов, Бузгалин 2014: 91–93; Мартьянов 2017: 142). С 1990-х годов аналогичные тенденции наблюдаются уже не только в производственной, но и в сервисной и управленческой сферах, границы между которыми по мере распространения цифровых технологий все больше размываются (Гидденс 2015: 82). Как отмечал в своей вышедшей в 1995 г. книге “The End of Work” Дж. Рифкин, новые информационные и телекоммуникационные технологии вытесняют человеческий труд как из промышленности, так и из сервиса, менеджмента, сельского хозяйства и высокотехнологичных сфер экономики, что ведет не просто к безработице, а к исчезновению массовой занятости как таковой и к являющейся следствием этого фундаментальной перестройке социальных структур: «В сельскохозяйственном, промышленном и сервисном секторах машины стремительно замещают человеческий труд и сулят появление к середине XXI столетия экономики с практически автоматизированным производством. Полное замещение работающих машинами заставит все страны пересмотреть свои представления о роли людей в социальном процессе»**.

Более двух десятилетий спустя этот “end-of-work argument” представляется вполне обоснованным, так как все больше работников сферы обслуживания очевидно проигрывают “race against the machine”***. В свою очередь, все более значительную долю производственной сферы составляет выпуск

* Harari Y.N. *The meaning of life in a world without work* [<https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book>] (дата обращения: 26.10.2017).

** Рифкин Дж. Конец работе. *Отечественные записки*. 2003. № 3 [<http://www.strana-oz.ru/2003/3/koniec-rabote>] (дата обращения: 26.10.2017).

*** Brynjolfsson E., McAfee A. *Race Against The Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy* [http://ebusiness.mit.edu/research/Briefs/Brynjolfsson_McAfee_Race_Against_the_Machine.pdf] (дата обращения: 26.10.2017).

информационных товаров, обеспечиваемый минимальным привлечением рабочей силы, тем более что такого рода продукция практически не требует персонала и затрат для тиражирования, транспортировки и хранения (Шваб 2016: 20). Внедрение новых технологий видоизменяет целые отрасли экономики (беспилотный транспорт, автоматизированная и онлайн-торговля и т.п.*) и уже в ближайшие годы грозит оставить без работы миллионы менеджеров, консультантов, продавцов, кассиров, водителей грузовиков и автобусов, таксистов, автомехаников, бухгалтеров, страховых агентов, врачей, учителей, юристов, журналистов и представителей других профессий. Как пишет К. Шваб, «около 47 % рабочих мест в США подвержены риску автоматизации, вероятнее всего, уже в течение двух следующих десятилетий» (Шваб 2016: 52).

Процесс депрофессионализации имеет не только количественный, но и качественный и, если можно так сказать, сущностный характер. Уже полтора-два десятилетия назад исследователи обратили внимание на растущее распространение новых форм организации трудовой деятельности: временные контракты, краткосрочные вакансии, неполная занятость, дистанционная работа, лизинг персонала, фриланс и тому подобные неотъемлемые принадлежности «гибкого рынка труда» (или даже «гибкого капитализма») (Бауман 2005: 149–151; Поплавская 2017; Хаттон 2004: 200). М. Кастельс отмечал, что «традиционная форма работы, основанная на занятости в течение полного рабочего дня, четко очерченных профессиональных позициях и модели продвижения по ступеням карьеры на протяжении жизненного цикла медленно, но верно размываются», а З. Бауман утверждал, что «работа больше не может являться осью, вокруг которой группируются самоопределения, идентичности и жизненные планы». Позднее Г. Стэндинг также указывал, что принадлежность к состоящему в основном из временных работников классу прекариата (отличаемого от пролетариата и салиариата) подразумевает «отсутствие надежной профессиональной самоидентификации» (Бауман 2008: 150; Кастельс 2000: 258; Стэндинг 2014: 24; Тощенко 2015: 4,7). Наконец, А. Бард и Я. Зодерквист настаивают на том, что современный низший класс больше не представляет собой не только носителей рабочих профессий, но и вообще работников, «поскольку прежде угнетенные становятся потребителями», так что пролетариат превращается в консьюмтариат: «Деятельностью, которая будет определять новый низший

* Peters A. *The Grocery Store Of The Future Is Mobile, Self-Driving, And Run By AI* [<https://www.fastcompany.com/40429419/>] (дата обращения: 26.10.2017); [<https://aftershock.news/?q=node/534033>]; *Amazon открывает в США магазин без продавцов, касс и очередей* [<https://ria.ru/world/20161206/1482909611.html>] (дата обращения: 26.10.2017).

класс, станет скорее потребление, нежели производство, в условиях, когда примерно одинаковое количество материальных благ смогут получать все, независимо от того, трудоустроен человек или нет» (Бард, Зодерквист 2004: 122, 142).

Формирование «рентного общества» (Давыдов 2016), таким образом, предполагает внедрение практики безусловного базового дохода, когда гражданин получает от государства определенную фиксированную сумму, покрывающую его основные потребности, без каких-либо обязательств (словами В.С. Мартьянова, «фактически речь идет о минимальной ренте для каждого гражданина как гарантированном пожизненном доходе» (Мартьянов 2017: 150)), так что доход отрывается от труда и даже не предполагает его. Пилотные проекты ББД запускались и запускаются в странах как «третьего» (Кения, Намибия, Уганда, Индия, Колумбия, Никарагуа, Перу), так и «первого» (США, Канада, Финляндия, Германия, Италия, Франция) мира* и, несмотря на отдельные неудачи (на референдуме в Швейцарии в июне 2016 г. большинство граждан проголосовало против базового дохода**) и неопределенные пока результаты количество их растет вместе с числом сторонников***. В этой связи высказываются предположения, что на смену «цивилизации труда» (Сидорина 2014) идет своего рода «цивилизация досуга»****. В этом же контексте активно обсуждается вопрос, чем будет заниматься новый “useless class”, не имеющий ни возмож-

* Безусловный базовый доход: эксперименты и практика [<http://www.vestifinance.ru/articles/81501>] (дата обращения: 26.10.2017).

** Надькто О. *Швейцарцы высказались против гарантированного дохода в \$2,5 тыс.* [<http://www.rbc.ru/society/05/06/2016/575460bb9a7947601bd52281>] (дата обращения: 26.10.2017).

*** Jaspers N. *What do Europeans think about basic income? Survey Results from April 2016* [http://www.basicincome.org/wp-content/uploads/2016/05/EU_Basic-Income-Poll_Results.pdf] (дата обращения: 26.10.2017).

**** Относительно значения этой категории Е.М. Ключко отмечает, что «досуг» сегодня понимается не как остаток времени от работы, а как «неработа» — деятельность, осуществляемая «ради нее самой», не связанная «с зарабатыванием средств к существованию» (Ключко 2016: 171). По мнению О.В. Понукалиной, в обществе потребления дихотомия «труд — досуг» размывается в силу того, что последний служит «целям заполнения потреблением непроизводственного времени» и тем самым становится необходимым «звеном процесса производства-потребления» (Понукалина 2011: 217). В.Е. Золотухин указывает, что трудовая и свободная деятельность различаются контекстуально, совпадая предметно, поэтому при определенных обстоятельствах в качестве труда могут выступать и общение, и познание, и многие иные виды деятельности (Золотухин 2010: 151).

ности, ни необходимости работать, в свое свободное время, когда все его время станет свободным, в какой нетрудовой, но целенаправленной деятельности (игра, развлечение, спорт, творчество, религия или даже преступление) смогут обрести смысл жизни люди, “who are not just unemployed, but unemployable”?*

Новое как хорошо забытое старое. Многие отечественные и зарубежные исследователи справедливо указывают, что трудовая деятельность (особенно работа по найму) приобрела высокий этический и аксиологический статус только в эпоху капиталистического модерна, тогда как в феодальном Средневековье и рабовладельческой античности такового отнюдь не имела. «Культ самозабвенного труда и материального производства исторически не так стар, как может показаться на первый взгляд», — замечает Д.А. Давыдов: в докапиталистическом обществе власть и собственность обеспечивались распределением природной и/или социальной ренты, и только в XVII–XVIII столетиях под воздействием промышленной революции распространились представления о том, что не только богатство и могущество, но и вообще лучшее качество жизни являются следствием трудовых усилий, что получило наиболее оформленное выражение в протестантской «религии труда» (Давыдов 2016: 20). З. Бауман подчеркивает, что идея о том, что богатство произведено трудом, стала возможной в эпоху перехода к индустриальному обществу, когда произошло отделение работников от средств производства, и в ходе этого освобождения труда от его связи с природой сама трудовая деятельность была концептуализирована как таковая, тогда как раньше она не вычленялась из тотальности традиционного образа жизни (Бауман 2005: 23–24)**. Насколько труд вообще понимался как деятельность по производству материальных благ для удовлетворения общественных потребностей, настолько же он рассматривался как удел рабов и вилланов — унижительное занятие социальных низов, недостойное гражданина/дворянина, чья деятельность осуществляется лишь ради нее самой, являясь ничем иным, как досугом (Сидорина 2014: 61–64; Стэндинг 2014: 30–32).

* Harari Y.N. *The meaning of life in a world without work* [<https://www.theguardian.com/technology/2017/may/08/virtual-reality-religion-robots-sapiens-book>] (дата обращения: 26.10.2017); Мартынов К.К. *Конец работы* [<http://kmartynov.livejournal.com/1934213.html>] (дата обращения: 26.10.2017); Авербух М.Е. *Будущее* [<http://rusanalit.livejournal.com/1987230.html>] (дата обращения: 26.10.2017).

** В доиндустриальный период не только труд, но и экономика в целом были фактически растворены в социальном контексте, отсутствовало экономическое мышление и товарно-денежные отношения выступали формой отношений услуго- и дарообмена (Ле Гофф 2010: 167, 198).

Другие авторы хронологически идут дальше и доказывают, что труд стал значимым феноменом для человека и социума не ранее перехода к производящему хозяйству и становления аграрного общества. По словам К.К. Мартынова, труд стал «целью существования цивилизации» лишь после и в результате того, как «наши предки изобрели себе на погибель сельское хозяйство»*. Ю.Н. Харари указывает, что сегодня рабочая неделя в развитых странах составляет 40–45 часов, а в развивающихся — 60 и даже 80, между тем охотники и собиратели пустыни Калахари трудятся не более 35–45 часов в неделю, и следует считать, что пока земледельцы не вытеснили собирателей в неплодородные районы, последние работали еще меньше, да и домашних дел у кочевников почти не было: «Тогдашняя экономика позволяла большинству людей жить гораздо более интересной и насыщенной жизнью, нежели живут теперь члены аграрного или индустриального общества», — делает вывод автор “Sapiens” (Харари 2016: 64–65). Со столь радикальным утверждением можно не согласиться, однако несомненно, что в рамках примитивной экономики жизнеобеспечения стремления охотника/собирателя направлены не на увеличение присваиваемого у природы продукта, а на минимизацию требующихся для этого усилий, поэтому количество рабочего времени в общинах добытчиков заметно меньше, чем в аграрном и индустриальном обществах (например, бушмены къхонг тратят на собирательство от 12 до 21 часа в неделю, и даже с учетом всей остальной трудовой деятельности их рабочая неделя не превышает 40–44 часов) (Джонсон, Эрл 2016: 31, 44, 53; Уэйд 2016: 93).

Большое количество соответствующего антропологического материала по Африке, Австралии, Южной Америке и Океании собрано в «Экономике каменного века» М. Салинза, который также считал, что «по мере эволюции культуры количество труда на душу населения увеличивается, а количество досуга уменьшается», так что неолитическая революция в данном отношении была регрессом — «с внедрением земледелия людям пришлось работать тяжелее» (Салинз 1999: 49). Так, у бушменов женщина за день собирает еды достаточно, чтобы кормить семью в течение трех дней, а на хозяйственные занятия типа сбора дров, хождения за водой и приготовления пищи у нее уходит от одного до трех часов в день. Мужчины-охотники охотятся несколько дней, после чего следует перерыв, порой достигающий нескольких недель. Молодежь обоих полов практически не участвует в добывании пищи вплоть до времени вступления в брак. Танзанийские хадза расходуют на добывание пищи в среднем меньше двух часов в день. Аборигены австралийского Арнемленда тратят большую часть дневного времени на разговоры,

* Мартынов К.К. *Конец работы* [<http://kmartynov.livejournal.com/1934213.html>] (дата обращения: 26.10.2017).

отдых и сон. Мало чем отличаются от них в данном отношении чилийские ямана (яганы), которые, даже нанимаясь на работу к европейским фермерам, демонстрируют совершенную неспособность к последовательному ежедневному труду, так как привычная им хозяйственная деятельность (охота, рыболовство, собирательство) имеет прерывистый, пунктирный характер.

В среднем, согласно Салинзу, современные охотники и собиратели, живущие в маргинальных экологических условиях, трудятся 3–5 часов в день, т.е. 21–35 часов в неделю, что существенно меньше, чем у рабочего или фермера. Даже примитивные земледельцы, практикующие мотыжное огородничество, такие как замбийские бемба, новогвинейские капауку, полинезийские тикопиа и меланезийские фиджийцы, трудятся на полях от двух до четырех часов в день, при этом рабочие дни чередуются с днями отдыха, а за пределами сезонных аграрных работ почти все время посвящается отдыху и развлечениям. Таким образом, трудовая деятельность у всех этих племен и народов отличается непродолжительностью и нерегулярностью, а большая часть времени, будь то день, неделя, месяц или год, посвящена досугу, и это не только отдых и сон, но и общение, визиты, ритуалы, праздники и т.д. Можно сказать, что здесь не досуг выступает перерывом в работе, а работа выступает перерывом в досуге. Как пишет Салинз, «эти другие требующиеся людям вложения времени — церемонии, развлечения, общение и отдых — на деле представляют собой дополнение к экономике, или, если хотите, неотъемлемую суперструктурную часть динамики, присущей экономике» (Салинз, 1999: 34–72). Следует заметить, что данное высказывание относительно доаграрного общества напоминает многие близкие по значению высказывания других авторов, посвященных обществу постиндустриальному: минимизация необходимости трудиться дает человеку возможность предаваться собственно социальной деятельности — самоценной и самоцельной.

Обращая внимание на примечательное сходство дотрудового и послетрудового обществ, необходимо принять во внимание, что отношение преמודерна и постמודерна есть не только аналогия, но и гомология: человеческая социальность гораздо старше человеческой сапиентности и восходит к гоминидам, узконосым обезьянам и приматам в целом. Ф. Де Валь в своем классическом исследовании отмечал, что у наблюдаемой группы шимпанзе в условиях зоопарка не было необходимости тратить время на добывание еды, поэтому их социальная жизнь интенсифицировалась. В присущей ей реципрокности исследователь фактически усматривал источник человеческой социальности: «Корни современного общества ищут в возникновении сельского хозяйства, торговли и промышленности, тогда как на самом деле наша социальная история в тысячу раз древнее этих

феноменов» (Де Валь 2014: 31, 181). Человек — общественное животное, он социален изначально, по своей биологической природе инстинктивно или программно стремясь устанавливать взаимоотношения и определять свою позицию в иерархии (Харари 2016: 35). Как пишет М. Ридли, для человека как социального вида «характерны большие группы со сложными системами взаимоотношений между особями», при этом «наши язык и жизнь буквально пропитаны идеями реципрокности», каковая суть «неотъемлемая часть самой человеческой природы». По словам Ридли, «люди обладают социальными инстинктами», при этом человека делают человеком не действия, которые производятся ради питания и размножения, а культурно формализованные демонстрации groupness — разного рода групповые ритуалы, участие в которых манифестирует готовность индивида к сотрудничеству с другими: «В такие вещи инвестируется уйма времени, сил и престижа. Собственно, ради них люди и живут» (Ридли 2013: 16, 78, 98, 207, 266).

Возможно, люди живут не только ради того, чтобы разнообразными способами устанавливать и поддерживать взаимоотношения, но следует отметить, что в постиндустриально-информационном или, в терминологии Барда и Зодерквиста, «аттенциональном» обществе, где главным мотивирующим фактором деятельности становится не материальная выгода, а привлекаемое и удерживаемое внимание, навыки общения приобретают такое значение, что, по данным К. Шваба, выдвигаются на первое место среди прочих компетенций при рекрутировании персонала (Бард, Зодерквист 2004: 200; Шваб 2016: 54). Тем более это характерно для новой стадии развития социума, в которой оно предстает посттрудовым: по прогнозу Дж. Рифкина, во второй половине текущего столетия доминирующим сектором последнего станет некоммерческое гражданское общество, члены которого будут заняты созданием социального капитала (Рифкин 2014: 17).

Таким образом, биологически естественное для человека состояние, в котором трудовая деятельность служит не более чем средством, подчиненным цели производства/воспроизводства социальности, характеризует общество как доаграрного прошлого, так и послеиндустриального будущего — будущего, на наших глазах становящегося настоящим. Это заставляет вспомнить слова Г.М. Маклюэна, более полувека назад писавшего в “Understanding Media”: «В бесписьменном мире “труда” не существует. <...> Труд появляется в оседлых аграрных сообществах вместе с разделением труда и специализацией функций и задач. В компьютерную эпоху мы вновь целиком погружаемся в наши роли. В электрический век “труд” уступает место вовлечению и увлеченности, какие существовали в племени» (Маклюэн, 2007: 155). Известно, что многие прогнозы канадского мыслителя удачно

миновали кладбище утопий. Не менее ценными представляются и его анализы, в частности только что процитированный. Однако удивительное подобие общества потребления и общества присвоения отношением к труду, его количеством и самим наличием или отсутствием последнего не ограничивается.

Производство, собственность, мобильность в преаграрном и постиндустриальном обществах. В рамках структурно-функциональной традиции, начиная со Г. Спенсера и Э. Дюркгейма, социальная эволюция связывалась с разделением труда, однако на нынешнем этапе общественного развития наблюдается нечто противоположное — объединение труда, идет ли речь об обмене, где налицо вымывание институциональных посредников между производителем и потребителем, или о производстве, которое благодаря цифровым технологиям демонстрирует тенденцию к превращению в нечто структурно подобное доиндустриальному ремеслу и домашнему промыслу*. Располагающий находящимися в личной собственности средствами производства *knowledge-worker*, работающий по большей части дома и посещающий офис главным образом для неофициального общения и прочих способов накопления социального капитала, весьма напоминает классического самозанятого крестьянина с его нерасчлененным домохозяйством (Иноземцев 2000: 70; Савельева 2011: 81; Урри 2013: 4). Эта составляющая Четвертой промышленной революции заставляет вспомнить не только эпоху первой волны, но и то, что ей предшествовало, а именно донеолитическую охотничье-собираческую экономику, позднейшим носителям которой удалось дожить до встречи с антропологами.

М. Салинз, анализируя архаические ранне- и доземледельческие «домашние экономики», совокупность характеристик которых он рассматривал как отдельный «домашний способ производства», отмечал корреляцию последнего с атомизированными и мелкомасштабными технологиями: «Основные технические средства могут находиться в руках отдельных домохозяйств, многие из них — в автономном владении индивидов. Другие технологические ограничения также согласуются с преобладанием домашней экономики: орудия изготавливаются в домашних условиях и поэтому они, как и большинство приемов их изготовления, достаточно просты и широкодоступны; процессы их изготовления едины, а не разложены на со-

* Как замечает Э. Гидденс, речь может идти «о возвращении к ремесленному производству: происходит возрождение небольших производств, возможно даже, что в мировых масштабах — в огромном количестве, способных конкурировать с крупными производствами и даже подменить большинство из них» (Гидденс, 2015: 87).

ставные части разделением труда». В этом «естественном состоянии» производство благодаря доступности сырья и элементарности технологии отличается простотой и легкостью, с которой удовлетворяются потребности: «Изделия изготавливаются из подручных материалов: камня, кости, дерева, кожи; все это находится вокруг в изобилии. Как правило, ни для получения сырья, ни для его обработки не требуется значительных усилий. Доступ к природным ресурсам обычно самый что ни на есть непосредственный — “каждый свободно берет, что хочет”, равно как и владение инструментами производства, доступно всем, а требуемые знания и навыки общеизвестны». Производство здесь полностью подчинено потреблению, поэтому отличается нерегулярностью, прерывистостью, неэффективностью в использовании природных ресурсов и рабочей силы; производится то и столько, что и сколько требуется конкретно в данный момент, и если производительность труда в силу тех или иных факторов увеличивается, то его продолжительность пропорционально уменьшается (Салинз 1999: 27, 53, 85, 89, 91, 98).

Архаическая экономика недопроизводства «зеркально симметрична» новейшей экономике перепроизводства в плане отношения к продукту этого самого производства, стремление к хранению, накоплению, наследованию которого в обоих случаях показательно минимально. Действительно, охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ общества типа тех же бушменов кххонг предпочитают обходиться минимумом имущества и осуждают накопительство. У них, с одной стороны, «ничего не запасается, ведь все необходимое можно добыть в природе», а с другой стороны, весьма размытые представления о владении природными ресурсами, ибо невозможно «оперировать правами собственности на диких животных» (Ридли 2013: 261; Уэйд, 2016: 261). В свою очередь, в современном обществе, где хронический профицит потребительских товаров заставляет производителей закладывать в технологию неремонтопригодность и планируемое устаревание и где даже посевные материалы представляют собой гибриды одноразового использования, хранение и накопление вещей становится не просто невыгодным, а абсурдным, практика наследования дискриминируется ставками налогов на наследство, достигающими 40, 50 и даже 60 %, а «возрастающее число потребителей предпочитает больше не приобретать физические объекты в собственность, а платить за предоставление соответствующей услуги» или же пользоваться теми или иными вещами (например, автомобилями) попеременно/сообща в рамках растущей «экономики совместного потребления» (Шваб 2016: 76, 182, 184).

Основная причина этой симметрии — мобильность, равно характерная как для отсталых кочующих собирателей, так и для продвинутых «глобальных номадов». Для первых подвижность есть необходимое и неизбежное

условие выживания: истощив пищевую базу вокруг одной стоянки, охотничье-собираТЕЛЬские группы передвигаются на другую. Бушмены проходят таким образом по 2000 км в год, перенося с собой все имущество (Уэйд 2016: 93). Это вынуждает добывающие коллективы обходиться минимумом вещей, хранение и накопление которых (равно как и продуктовых запасов) лишало бы их мобильности и вынуждало терпеть лишения в условиях сокращающихся по мере пребывания на одном месте ресурсов. Здесь действует правило: «подвижность и собственность несовместимы». «Изготовление орудий труда, одежды, утвари, как ни легко оно дается, оказывается бессмысленным, когда эти вещи становятся скорее обузой, чем удобством, — поясняет М. Салинз. — Практичность, качество вещей падают ради их портативности. Сооружение постоянных жилищ также становится абсурдным, раз их предстоит вскоре покинуть» (Салинз 1999: 47).

Схожее отношение к материальной собственности в возрастающей степени характеризует и современное/постсовременное общество, где мобильность населения (и не только населения — в «новой парадигме мобильностей» движутся предметы, капитал, информация и т.д. /Шеллер 2016: 3–4/) не просто высока, но и под влиянием технологического развития демонстрирует тенденцию к дальнейшему росту (Шваб 2016: 99, 101). «Люди, можно сказать, живут в состоянии мобильности», — пишет Д. Урри, причем не только по желанию, но и по необходимости, так как социальный капитал прямо зависит от активных перемещений: «Для многих социальных групп ограниченная мобильность — реальная проблема, и они стремятся наращивать социальный капитал путем увеличения мобильности» (Урри 2013: 4,9). Мобильность, понимаемая не просто как географическое перемещение, но и как сочетающая в себе горизонтальное и вертикальное измерения способность (а часто и потребность) периодической смены должности, работодателя, образования, профессии и тому подобного, становится основанием для социальной стратификации, критерием отнесения к иерархически определенному классу, которые различаются не владением материальными благами, а доступом к средствам транспортной, коммуникационной и виртуальной мобильности (Кравченко 2012: 25–26). Успешность прямо пропорциональна мобильности, приобретающей характер (само)принуждения, ведь «“быть мобильным” начинает означать почти то же самое, что “быть современным”»: мобильность как таковая близка к тому, чтобы оказаться самоценностью» (Веселкова 2011: 53). Все это вызывает живые ассоциации с миром пребывающих в перманентном движении первобытных сообществ, и особенно это касается современных сетевых номадов, чьим единственным стационарным жилищем служит домашняя страница (при том что она постоянно обновляется) (Бард, Зодерквист 2004: 227).

«Бывают странные сближенья...». Перечень аналогий между постиндустриальным и преаграрным обществами вышеуказанным не ограничивается, и продолжить его стоит в первую очередь самим обществом. Э. Гидденс считает, что развитие телекоммуникаций способно привести к определенной деинституционализации: «Возможность совершения действия на расстоянии может отменить необходимость массового нахождения людей в определенном учреждении. Больницы, тюрьмы, школы и тому подобное могут быть “разобраны” на отдельные составляющие и “разбросаны” в пространстве и времени» (Гидденс 2015: 127). Нетрудно заметить, что ближайшим аналогом послеинституционального социума выступает социум доинституциональный, недаром многие авторы, рассуждая об информационном обществе, сравнивают его с племенным (Маклюэн 2007: 270; Бард, Зодерквист 2004: 77). Деморфизация индустриального общества осмысливается как деэнтитизация социума и социальности: общество более не вещь, но конструкция, а «социальное — это результат сетей», где «связи предшествуют узлам» (Мальцева, Романовский 2001: 33–34). В метафорике «сети» не вещи производят отношения, а отношения производят вещи, которые теряют эссенциальность и приобретают функциональность (если не фикциональность). Однако и это описание уже утрачивает актуальность: как замечает Д.В. Иванов, в современном социуме «фиксированность положения и установленность пределов все чаще вытесняются устремленностью и темпоральностью», поэтому концептуализация общества как сети сменяется концептуализацией его как «потока» (сеть выступает структурой потоков, в которых акторы производны от действий) (Иванов 2010(2): 53; Иванов 2012: 13). Представляется, что этот набор концептов мог бы быть с равным успехом применен и для описания примитивного общества уровня/периода довождества, когда минимальна иерархическая структурность, реципрокность превалирует над редистрибутивностью, а перманентное передвижение и изменение обращают жизнь и мысль дописьменного кочевника в тот самый безначально-бесконечный поток.

То же самое происходит и с десубъективируемой/десубъективирующей-ся целерациональной личностью: Р. Коллинз считает, что не индивиды производят идеи, а группы, структуры и сети производят индивидов, абстрагируемых в качестве таковых из социального контекста, а Бард и Зодерквист, ссылаясь на идеи Ж. Делёза, — что не его производит мысли, а мысли производят его, и приписывают новому классу нетократов способность «строить целостности на членстве в группе, а не на индивидуализме, по принципу электронных племен» (Бард, Зодерквист 2004: 114, 121; Коллинз 2002: 46). Нетократы решительно выходят за пределы «я», «они жаждут холить и лелеять свою способность к одновременному и своевременному действию и совершенствоваться в искусстве постоянного развития множества параллель-

ных самостей. Развитие личности идет по пути реализации всех возможных состояний человека делимого, создания прагматичного союза различных темпераментов и черт характера. Цельность будет восприниматься как достойное жалости свидетельство немощи, а не идеал» (Бард, Зодерквист 2004: 203). Возможно, эти высказывания звучат чересчур эпатажно, но трудно не заметить, что ситуация, предшествовавшая историческому «открытию личности», до определенной степени эквивалентна ситуации, последующей за «закрытием личности» — наше время в этом плане выглядит осевым наоборот, так что вместо стягивания, концентрации и оформления морально-рациональной личности происходит деморфинг, диффузия и дисперсия последней.

О первобытных временах и племенах заставляет вспомнить и развивающийся процесс ремифологизации общественного сознания. Как и предсказывали М. Маклюэн и К. Фиоре, «электронный век неизбежно ведет нас обратно в мир мифических видений», к мифологическому мировосприятию и мировоззрению, равно характерному как для устной, так и для телекоммуникационной культуры (Маклюэн, Фиоре 2012: 215). На смену производимой системно-дисциплинарным образованием научно-рациональной картине мира идет поставляемая электронными медиа паратактивно-аддитивная мозаика непрерывно меняющейся информации, в которой сообщения связаны простым соположением во времени, парализующим действие логического закона противоречия (Дёмина 2010: 88). Мифотворчество электронных медиа выступает четким подобием описанного Л. Леви-Брюлем игнорирующего противоречие первобытного праологизма, как и тогдашние, «современные мифологические конструкции не подвержены воздействию на них рациональных аргументов» (Аксенов 2016: 159).

Как известно, миф противоположен истории, т.е. такому пониманию событийности, когда происходящее в настоящем рассматривается как следствие прошлого и причина будущего. По наблюдениям антропологов, охотники и собиратели не хранят припасов и не планируют дел на будущее, они сориентированы всегда на настоящее (только с аграрной революцией, принесшей производственную модель «сев — жатва — сев», земледельцы оказались вынуждены постоянно задумываться о будущем, ввиду которого настоящее становится прошлым) (Раштон 2011: 150; Салинз 1999: 44–45; Харари 2016: 125–126). Первобытные и современные охотничье-собирацкие группы жили и живут в «безвременном настоящем», их мышлению свойствен презентизм в восприятии времени, обходящегося без проекции и ретроспекции, в их языках прошлое и будущее разделяются и связываются в сравнительно минимальной степени (Клейн 2015: 19–20). Можно заметить, что и в данном отношении информационное общество, использующее цифровые технологии, все больше уподобляется первобытному. По словам

М. Маклюэна, «компьютер отвергает человеческое прошлое, делая его вечно настоящим» (Маклюэн, Фиоре 2012: 105). Можно добавить, что этот «компьютер» с тем же успехом и будущее превращает в вечное настоящее, и речь не только о перманентной взаимной доступности абонентов коммуникационных сетей, но и о стремлении к нулю хронологической дистанции между потребительским запросом и его удовлетворением в сегодняшнем «мире “по требованию”», «мире категории “сейчас”» (Шваб 2016: 70–71). Современность/послесовременность — это «мир интенсивного настоящего», равномерно продлевающейся вперед и назад презентности. Как описывает данное состояние Д.В. Иванов, «новое яркое явление, едва открыв перед нами некие перспективы на будущее, тут же сменяется другим явлением с другими перспективами, и наше будущее оказывается в прошлом, а мы все время остаемся в вибрирующем настоящем» (Иванов 2010(1): 25). Этот альтерирующий гомеостаз не тождествен, но очевидно подобен первобытному, по крайней мере так это видится автору статьи.

Подводя итоги, можно сказать, что комплекс происходящих сегодня изменений в экономике, обществе и культуре заставляет вспомнить о нашу-мевшей идее «конца истории», но не в том значении, которое вкладывал в нее Ф. Фукуяма, а в смысле аналогии между постисторией и преисторией или, не столь масштабно, между постмодерном и премодерном. Может быть, в этом сравнении есть определенная натяжка, но, как мне кажется, даже памятуя обо всей неоднозначности мышления по аналогии, нам все же стоит задаться вопросом: не направлен ли нынешний вектор социального развития «вперед в прошлое»?

Литература

Аксенов Ф.О. (2016) Экранная культура как актуальная форма социального мифотворчества и моделирование экранного культурного поля. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1: 158–162.

Бард А., Зодерквист Я. (2004) *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.

Бауман З. (2005) *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.

Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.

Белл Д. (2004) *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. М.: Akademia.

Веселкова Н.В. (2011) Новые исследования мобильности: Совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14 (3): 50–66.

Гидденс Э. (2015) *Неспокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?* М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Давыдов Д.А. (2016) Смена общественно-экономической формации? *Свободная мысль*, 4: 19–30.

Де Валь Ф. (2014) *Политика у шимпанзе: власть и секс у приматов*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Дёмина М.Н. (2010) Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий. *Социологические исследования*, 6: 87–92.

Джонсон А.В., Эрл. Т. (2016) Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству. *Экономическая социология*, 17 (5): 30–76.

Жвйтиашвили А.Ш. (2013) Рабочий класс в постиндустриальном обществе. *Социологические исследования*, 2: 34–41.

Золотухин В.Е. (2010) Парадоксальная сущность труда. *Социологические исследования*, 10: 150–151.

Иванов Д.В. (2010) Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 13 (2): 21–51.

Иванов Д.В. (2010) Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин (окончание). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 13 (3): 51–65.

Иванов Д.В. (2012) К теории потоковых структур. *Социологические исследования*, 4: 8–16.

Иноземцев В.Л. (2000) «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе. *Социологические исследования*, 6: 67–77.

Кастельс М. (2000) *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Клейн Л.С. (2015) *Время в археологии*. СПб.: ЕВРАЗИЯ.

Клюско Е.М. (2016) Современное состояние категориального аппарата теории досуга (по материалам зарубежных исследований). *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 1: 170–181.

Колганов А.И., Бузгалин А.В. (2014) Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс. *Социологические исследования*, 1: 80–94.

Коллинз Р. (2002) *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Кравченко С.А. (2012) Сложный социум: востребованность поворотов в социологии. *Социологические исследования*, 5: 19–28.

Ле Гофф Ж. (2010) *Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии*. СПб.: ЕВРАЗИЯ.

Маклюэн Г.М. (2007) *Понимание медиа: внешние расширения человека*. М.: Гиперборей; Кучково поле.

Маклюэн М., Фиоре К. (2012) *Война и мир в глобальной деревне*. М.: АСТ; Астрель.

Мальцева Д.В., Романовский Н.В. (2011) О современных сетевых теориях в социологии. *Социологические исследования*, 8: 28–37.

Мартьянов В.С. (2017) Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? *Социологические исследования*, 5: 141–153.

- Понукалина О.В. (2011) Труд и свободное время в дискурсе потребительских практик. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14 (5): 210–218.
- Поплавская А.А. (2017) Дезорганизация трудового ритма жизни и непостоянство в работе как скрытые черты системы гибкого капитализма. *Экономическая социология*, 18 (4): 176–180.
- Раштон Ф.Дж. (2011) *Раса, эволюция и поведение. Взгляд с позиции жизненного цикла*. М.: Профит Стайл.
- Ридли М. (2013) *Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству*. М.: Эксмо.
- Рифкин Дж. (2014) *Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетiku, экономику и мир в целом*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Савельева Е.П. (2011) Новые группы профессионалов в условиях мобильного сетевого общества. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 14 (3): 67–82.
- Салинз М. (1999) *Экономика каменного века*. М.: ОГИ.
- Сидорина Т.Ю. (2014) *Цивилизация труда: заметки социального теоретика*. СПб.: Алетейя.
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тоффлер Э. (2004) *Третья волна*. М.: АСТ.
- Тощенко Ж.Т. (2015) Прекариат — новый социальный класс. *Социологические исследования*, 6: 3–13.
- Урри Д. (2013) Мобильность и близость. *Социологические исследования*, 2: 3–14.
- Уэйд Н. (2016) *На заре человечества: Неизвестная история наших предков*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Харари Ю.Н. (2016) *Sapiens. Краткая история человечества*. М.: Синдбад.
- Хаттон У. (2004) *Мир, в котором мы живем*. М.: Ладомир.
- Шваб К. (2016) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо.
- Шеллер М. (2016) Новая парадигма мобильностей в современной социологии. *Социологические исследования*, 7: 3–11.

THE FUTURE OF THE POST-MODERN SOCIETY: FORWARD TO THE PAST?

Andrey Shipilov*

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Citation: Shipilov A. (2018) Budushcheye post-sovremennogo obshchestva: vpered v proshloye? [The future of the post-modern society: forward to the past?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(1): 7–26 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.1.1>

Abstract. The modern world in conditions of growing automation and robotization of the production of goods and services leading to the disappearance of mass employment is becoming a “world without work”. Demand for labor is declining, proletariat gives way to precariat in the flexible labor market, and the concept of an unconditional basic income which turns working people into leisured rentiers is fulfilled to ensure consumption. The emerging “rental society” in terms of the ratio of work and leisure activities resembles the pre-agrarian society of hunters and gatherers, whose main occupation was not labor, but various forms of communication. The process of labor unification that is unfolding today, the growing prosumerisation makes the modern economy analogous to the archaic “domestic economy” both in terms of production and consumption: in both practice of storage, accumulation and inheritance are minimized due to the high mobility of the population. It’s not just about the economy: society, personality, thinking are undergoing real and conceptual changes today, which leads them to a state similar to the one that existed before the Neolithic revolution. All this makes us think about the current direction of social development: if postmodernity looks like a pre-modernity, will it be what comes after “the end of history”, the likeness of what was before it began?

Keywords: future, past, work, leisure, postmodern, premodern, mobility, society, personality, thinking.

References

Aksenov F.O. (2016) Ekrannaja kul'tura kak aktual'naja forma social'nogo mifotvorchestva i modelirovanie ekrannogo kul'turnogo polja [Screen culture as an actual form of social mythmaking and modeling of the screen cultural field]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 1: 158–162 (in Russian).

Bard A., Zoderqvist J. (2004) *Netokratija. Novaja pravjashhaja elita i zhizn' posle kapitalizma* [Netocracy: The New Power Elite and Life after Capitalism]. Saint-Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg (in Russian).

Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos (in Russian).

Bauman Z. (2008) *Tekuchaja sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint-Petersburg: Piter (in Russian).

* E-mail: skriptor@icmail.ru

Bell D. (2004) *Grjadushcheye postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow: Akademia (in Russian).

Castells M. (2000) *Informacionnaja epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (in Russian).

Collins R. (2002) *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija* [The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sibirskij Khronograf (in Russian).

Davydov D.A. (2016) *Smena obshhestvenno-jekonomicheskoy formacii?* [Change of socio-economic formation?]. *Svobodnaja mysl* [Free Thought], 4: 19–30 (in Russian).

De Vaal F. (2014) *Politika u shimpanze: Vlast' i seks u primatov* [Chimpanzee Politics. Power and Sex among Apes]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics (in Russian).

Dyomina M.N. (2010) *Izmenenija v kognitivnykh praktikakh individov pod vlijaniem novykh informacionnykh tehnologij* [Changes in cognitive practices of individuals under the influence of new information technologies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 87–92 (in Russian).

Giddens A. (2015) *Nespokojnyj i mogushhestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushhem?* [Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?]. Moscow: Delo (in Russian).

Harari Y.N. (2016) *Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad (in Russian).

Hutton W. (2004) *Mir, v kotorom my zhivem* [The World We Live in]. Moscow: Ladimir (in Russian).

Inozemtsev V.L. (2000) «Klass intellektualov» v postindustrial'nom obshchestve [“Class of intellectuals” in a post-industrial society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 67–77 (in Russian).

Ivanov D.V. (2010) Aktual'naja sociologija: veselaja nauka v poiskakh zlykh istin [Current Sociology: A fun science in search of the evil truths]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 13(2): 21–51 (in Russian).

Ivanov D.V. (2010) Aktual'naja sociologija: veselaja nauka v poiskah zlykh istin (okonchanie) [Current Sociology: A fun science in search of the evil truths (ending)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 13(3): 51–65 (in Russian).

Ivanov D.V. (2012) K teorij potokovykh struktur [To the theory of flow structures]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4: 8–16 (in Russian).

Johnson A.W., Earle T. (2016) *Evoljucija chelovecheskih obshchestv: ot dobyvajushhej obshhiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 17(5): 30–76 (in Russian).

Kleyn L.S. (2015) *Vremja v arheologii* [Time in archeology]. Saint-Petersburg (in Russian).

Klyusko E.M. (2016) *Sovremennoe sostojanie kategorial'nogo apparata teorii dosuga (po materialam zarubezhnykh issledovanij)* [The current state of the categorical apparatus of the theory of leisure (based on materials from foreign studies)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 1: 170–181 (in Russian).

Kolganov A.I., Buzgalin A.V. (2014) Reindustrializacija kak nostalgija? Teoreticheskij diskurs [Reindustrialization as nostalgia? Theoretical Discourse]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1: 80–94 (in Russian).

Le Goff J. (2010) *Srednevekovè i den'gi: ocherk istoricheskoy antropologii* [The Middle Ages and Money: An Essay on Historical Anthropology]. Saint-Petersburg: Evrazia (in Russian).

Maltseva D.V., Romanovskiy N.V. (2011) O sovremennyh setevykh teoriyah v sociologii [On modern network theories in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 8: 28–37 (in Russian).

Martyanov V.S. (2017) Nashe rentnoe budushhee: global'nye kontury obshhestva bez truda? [Our rental future: the global outlines of society without work?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5: 141–153 (in Russian).

McLuhan H.M. (2007) *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow: «Giperboreja», «Kuchkovo pole» (in Russian).

McLuhan H.M., Fiore Q. (2012) *Vojna i mir v global'noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow: ACT: Astrel' (in Russian).

Ponukalina O.V. (2011) Trud i svobodnoe vremya v diskurse potrebitel'skih praktik [Work and leisure in the discourse of consumer practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(5): 210–218 (in Russian).

Poplavskaya A.A. (2017) Dezorganizacija trudovogo ritma zhizni i nepostojanstvo v rabote kak skrytye cherty sistemy gibkogo kapitalizma [Disorganization of the labor rhythm of life and impermanence in work as hidden features of a system of flexible capitalism]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 18(4): 176–180 (in Russian).

Ridley M. (2013) *Proiskhozhdenie al'truizma i dobrodeteli: ot instinktov k sotrudnichestvu* [The Origins of Virtue: Human Instincts and the Evolution of Cooperation]. Moscow: Eksmo (in Russian).

Rifkin J. (2014) *Tret'ya promyshlennaja revolyucija: Kak gorizontal'nye vzaimodejstviya menjajut energetiku, ekonomiku i mir v celom* [The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World]. Moscow: Alpina non-fiction (in Russian).

Rushton J.P. (2011) *Rasa, revolyucija i povedenie. Vzglyad s pozicii zhiznennogo cikla* [Race, Evolution, and Behavior: A Life History Perspective]. Moscow: Profit Stayl (in Russian).

Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Moscow: OGI (in Russian).

Savelyeva E.P. (2014) Novye gruppy professionalov v uslovijah mobil'nogo setevogo obshhestva [New groups of professionals in a mobile network society]. *Zhurnal sociologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14 (3): 67–82 (in Russian).

Schwab K. (2016) *Chetvertaja promyshlennaja revolyucija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Jeksmo. (In Russ.)

Sheller M. (2016) Novaja paradigma mobil'nostej v sovremennoj sociologii [The New Mobilities Paradigm for a Live Sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 7: 3–11. (In Russ.)

Sidorina T.J. (2014) *Civilizacija truda: zametki social'nogo teoretika* [Civilization of labor: notes of the social theorist]. Saint-Petersburg: Aleteyya (in Russian).

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem (in Russian).

Toffler A. (2004) *Tret'ja volna* [The Third Wave]. Moscow: AST (in Russian).

Toschenko Zh. (2015) Prekariat — novyj social'nyj klass [The Precariat — a New Social Class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6: 3–13 (in Russian).

Urry J. Mobil'nost' i blizost' [Mobility and Proximity] (2013). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 3–14 (in Russian).

Veselkova N.V. (2011) Novye issledovaniya mobil'nosti: Sovpadajushhie i nesovpadajushhie potoki i social'naja kompetentnost' [New mobility studies: Coincident and non-coincident flows and social competence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 14(3): 50–66 (in Russian).

Wade N. (2016) *Na zare chelovechestva: Neizvestnaja istorija nashikh predkov* [Before the Dawn: Recovering the lost history of our ancestors]. Moscow: Alpina non-fiction (in Russian).

Zhvitiashvili A.Sh. (2013) Rabochij klass v postindustrial'nom obshhestve [Working class in a post-industrial society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2: 34–41 (in Russian).

Zolotukhin V.E. (2010) Paradoksal'naja sushhnost' truda [The paradoxical nature of labor]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 10: 150–151 (in Russian).